

Глава 23

Слово — не воробей. Вылетит — не поймаешь. Особенно то, что лучше было бы не говорить вовсе.

Лу Си и Цяо Юэ уставились друг на друга. В салоне повисла звенящая тишина.

— Откуда ты знаешь, что именно я это говорил? — Из уважения к режиссёру за рулём Цяо Юэ процедил это почти беззвучно, сквозь зубы.

Лу Си виновато отвернулся, не зная, куда деть руки. Лишь когда Цяо Юэ повторил вопрос — на этот раз с едва сдерживаемым скрежетом, — юноша нехотя обернулся и выдавил:

— Скажу. Но сначала пообещай не слишком волноваться.

Иначе — с Цяо Юэ в таком состоянии — как бы не довести его до инфаркта прямо в машине.

Цяо Юэ промолчал.

— Вообще-то... я... ну... как бы это объяснить...

Лу Си мялся, заикался, не мог подобрать слов. Потом решил: лучше короткая боль, чем долгая.

Одна ложь тянет за собой сотню. Чем больше лжёшь — тем меньше тебе верят, тем крепче сам запутываешься в собственной паутине, каждый день дрожа от страха, что она вот-вот порвётся. Лучше говорить правду, пока ещё можно всё исправить.

Лу Си выдохнул. Голос его выровнялся.

— Я и есть твоя третья личность.

Цяо Юэ... Цяо Юэ решил, что ослышался. Или, может, это сон? Третья личность — это Лу Си?.. Удар по мировосприятию оказался слишком силён. Уже было успокоившаяся аллергия вдруг вспыхнула с новой силой. Мужчина несколько раз глубоко втянул воздух и произнёс словно в полусне:

— Ты... Лу Си?

Здесь имелся в виду, конечно, тот Лу Си — тот, что жил у него в голове.

Юноша с убитым видом кивнул и выдавил:

— Угу.

Цяо Юэ снова промолчал.

Лицо его сейчас было неузнаваемым — сплошь в багровых пятнах, скрывавших всякое выражение. Но в глазах Лу Си всё же успел прочесть нечто: смесь потрясения, неприятия — и совсем уж неуместного лёгкого восторга. Именно восторга. Словно где-то глубоко внутри Цяо Юэ что-то тихо радовалось этому открытию.

«Директор Цяо, никак, от шока крышу снесло?»

Было около трёх часов дня, пробок не оказалось, и до больницы добрались быстро. Лу Си позвонил заранее, так что медперсонал встретил их у входа — Цяо Юэ тут же отвезли в реанимационный блок.

«Реанимационный» — громко сказано. Просто аллергия выглядела слишком страшно, и врачи на всякий случай переполошились. Убедившись, что дыхание стабильное, сознание ясное, они успокоились и выдохнули с облегчением.

После долгих больничных хлопот — и, видимо, благодаря успокоительному в составе вводимых препаратов — Цяо Юэ незаметно провалился в сон.

Режиссёр, убедившись, что ничего страшного нет, попрощался с Лу Си: у него ещё оставалась целая съёмочная группа, которую нужно было разместить. Сказал, что заглянет попозже, и ушёл. Лу Си никуда не торопился — да и как ни крути, именно из-за него всё это и случилось. Он придвинул стул к кровати и остался.

Мужчина лежал неподвижно. Чуть длинноватые волосы упали на лоб, открыв боковой профиль. Лу Си смотрел на него — и вдруг в памяти всплыли слова Шэнь Цзитуна. Когда они успели познакомиться? Кажется, ему тогда было шесть лет.

Подождите...

Этот профиль... Если бы чуть грязнее, чуть худее, волосы подлиннее... Разве не напоминает он того маленького беспризорника, которого Лу Си тайком подкармливал в детстве?

Нет-нет-нет. Только посмотреть, из какой семьи Цяо Юэ. Даже если их пути когда-то и пересеклись — как он вообще мог оказаться уличным бродягой?

Лу Си усмехнулся, мысленно отмахнувшись от глупостей.

Может, потому что этим утром он разговаривал с Шэнь Цзитуном о том самом человеке. Может, из-за внезапного приступа аллергии. Так или иначе — Цяо Юэ приснился давно забытый сон. Сон из детства.

До семи лет у него не было никакой аллергии на шерсть. Он даже помнил, как в детстве у них дома жила персидская кошка — белоснежная, с шёлковой шубкой и глазами цвета глубокого моря. Живая, игривая, она вечно крутилась у него под ногами, а когда её чесали под подбородком — заводила тихое довольное урчание.

Мягкая, как облако из сахарной ваты.

Маленький Цяо Юэ обожал её. Расчёсывал, купал, кормил. По ночам хотел спать, прижав к себе тёплый пушистый комочек, — но дворецкий каждый раз мягко останавливал: кошка ещё совсем крошечная, можно придавить во сне.

В семь лет Цяо Юэ был хорошим мальчиком — послушным, воспитанным, добрым. Большие живые глаза. Щёки с младенческой пухлостью делали его трогательно милым, губы — нежно-розовые, как лепестки сакуры. Маленький костюм, галстук-бабочка. Отличник, влюблённый в рисование и музыку, сдержанный, как маленький принц из сказочного замка.

И всё это кончилось из-за заранее спланированного похищения.

В те времена в первый класс шли не в шесть лет, как сейчас, а чуть позже. Семилетний Цяо Юэ только-только пошёл в школу — до этого с ним занимались домашние учителя.

Родители вечно пропадали на работе. Маленький Цяо Юэ не обижался — он умел не обижаться. За ним ходила молодая женщина лет двадцати с небольшим, бросившая учёбу ещё в юности. Она была рядом с ним, сколько он себя помнил.

Меньше всего это походило на отношения господина и прислуги. Скорее — брата и сестры.

За столько лет Цяо Юэ давно забыл её лицо. Помнил только одно: небольшую ямочку на правой щеке. Когда она смеялась — от неё веяло чем-то тёплым и настоящим.

Родители, каждый день приводившие и забиравшие детей из школы, быстро перезнакомились между собой. Вскоре Цяо Юэ познакомился с одним парнем постарше — тот сказал, что пришёл встретить ребёнка вместо сестры. Двое взрослых — оба свободные, оба молодые — сблизились неожиданно быстро.

Однажды женщина тихо сказала Цяо Юэ:

— Он мне очень нравится, но я боюсь, что он будет смотреть на меня свысока из-за моей работы. Я сказала ему, что ты мой младший брат. Ты... можешь пока помолчать?

Говорила она это с лёгкой неловкостью, словно сама не была уверена, правильно ли поступает.

Маленький Цяо Юэ по-настоящему любил эту женщину, прожившую рядом с ним столько лет. Он кивнул без колебаний и даже приложил руку к груди:

— Не беспокойся. Захочешь на свидание — тоже не переживай, у меня полно карманных денег.

Сколько именно — мальчик не считал. Просто знал: денег у его семьи очень много. Больше, чем можно потратить.

Женщина просияла и засмеялась:

— Ты ребёнок, о каких деньгах ты вообще говоришь?

После этого Цяо Юэ несколько раз ходил с ними — втроём.

Только одна вещь беспокоила его: он никогда не видел в школе того ребёнка, которого якобы приводил этот мужчина. Болезненный мальчик, худой, с тусклыми, чуть рыжеватыми на концах волосами, нездоровой желтоватой кожей и вечно грязными пальцами. Робкий — к Цяо Юэ не подходил вовсе.

— Хочешь мороженого? — Маленький Цяо Юэ достал из кармана две монеты.

— Не хочу. — Мальчик попятился, глядя на него испуганными глазами.

Тот был намного ниже ростом, и в Цяо Юэ проснулось что-то покровительственное. Решив, что тот просто стесняется, он жизнерадостно подскочил ближе:

— Ничего страшного, у меня много карманных денег! Я угощаю, и никому не скажем.

— Я... я не... — Мальчик вдруг вскрикнул и кинулся прятаться за спину мужчины.

Цяо Юэ так и остался стоять на обочине — растерянный и немного обиженный. Он же ничего плохого не сделал! Малыш был совсем крошечным — на полголовы ниже. Он хотел как лучше, честно.

— Что случилось? — Женщина оглядела их обоих.

Мужчина быстро нашёлся:

— Его в садике обижали, вот он и дичится немного. Извините, напугали. — Лицо его сделалось страдальческим, из глаз выступили показные слезинки: — Сяо Юэ, ты не мог бы с ним чуть помягче?

— Ладно, — степенно кивнул Цяо Юэ.

Отношения между взрослыми шли в гору, а маленький Цяо Юэ всё меньше симпатизировал этому мужчине. Что-то в его взгляде было не так — какая-то странность, которую мальчик не умел назвать словами. К тому же болезненный мальчик сторонился его так демонстративно, что у привычного ко всеобщей симпатии Цяо Юэ впервые появилось ощущение неловкого поражения.

Однажды после школы он прождал у ворот и так и не увидел женщину. Пришлось идти к машине самому — шофёр специально всё это время стоял на соседней улице, чтобы не испортить легенду.

Тут откуда ни возьмись появился мужчина. На этот раз один — без болезненного мальчика.

Он улыбнулся:

— Сяося ждёт нас в KFC. Попросила меня тебя встретить.

Цяо Юэ замешкался. Папа с мамой всегда говорили: с чужими не ходи. Но этот человек ведь уже не был чужим... Правда?

Поколебавшись пару секунд, мальчик протянул руку.

Улыбка мужчины стала шире. Он подхватил ребёнка на руки, занёс в стоявший рядом микроавтобус — и почти сразу, чтобы не было лишнего шума, прижал к лицу мальчика что-то пропитанное резким запахом. Цяо Юэ обмяк, не успев пикнуть.

Так он исчез.

Когда он очнулся — вокруг был чужой, полуразрушенный дом. Комната тёмная, почти без света: только одна тусклая жёлтая лампочка чуть теплилась в углу. Голова раскалывалась, руки и ноги не слушались. Толстая верёвка держала намертво — он был привязан к кровати.

Звукоизоляция в доме оказалась никудышной. Сквозь стену просачивались обрывки чужого разговора.

— Мать твою, ты вообще соображаешь, кого притащил?! По всем каналам показывают! Что теперь делать?!

— Откуда я знал, что у него такая семья?! Знал бы — сам бы полез?! Эта тварь меня обманула!

— И что теперь — бросить здесь?

— Нельзя. Слишком близко — найдут быстро...

Голоса стали тише. Слов уже не разобрать.

Прошло сколько-то времени — Цяо Юэ не знал сколько.

Потом дверь с треском распахнулась.

На пороге стоял тот самый мужчина — но от прежней приветливости не осталось и следа. Лицо перекошено. В руке нож, лезвие которого холодно поймало свет лампы. Он шёл медленно. Шаг за шагом.

Маленький Цяо Юэ дрожал всем телом.

— Винить некого — только судьбу свою, маленький господин.

<http://bllate.org/book/17413/1659037>